

ВОСПОМИНАНІЯ ДОБРОВОЛЬЦА.

I. Въ Старой Загорѣ.

5-го октября въ 5 часовъ я прибылъ въ Старую Загору изъ Софіи послѣ утомительнаго двѣнадцатичасоваго пути. Это былъ необыкновенно изводящій, медлительный переѣздъ. Меня страшно нервировали вѣчныя ожиданія на разныхъ станціяхъ, хотя, конечно, я отлично сознавалъ бесполезность моего нетерпѣливаго волненія. Все же, вѣроятно, нашъ поѣздъ двигался скорѣе другихъ, такъ какъ въ немъ ѣхали министръ желѣзнодорожныхъ путей и полевая жандармерія, назначенная охранять главную квартиру.

Но ни присутствіе министра, ни всѣ доводы, исходящіе изъ его пребыванія, не могли уменьшить моего нетерпѣнія и негодованія на медленность движенія. Я постоянно надоѣдалъ кондукторамъ вопросами—какая станція и много ли ихъ еще до Старой Загоры. Въ ней должна была рѣшиться моя судьба: примутъ ли меня въ дѣйствующую армію, назначать ли въ скорострѣльный полкъ? Вотъ вопросы, сверлившіе мой мозгъ съ самаго момента объявленія мобилизаціи. Я такъ боялся отрицательнаго отвѣта.

Думая о причинахъ, могущихъ повліять на рѣшеніе моей судьбы, я не разъ ворочался въ постели или въ купе вагона. Тревоженъ былъ сонъ мой за послѣднія 15 сутокъ!

Когда я въ Софіи былъ у военнаго министра, онъ очень любезно меня принялъ, но не взялъ на себя рѣшенія этого вопроса и указалъ обратиться въ главную квартиру. Вотъ я и ѣхалъ туда съ тревогой въ сердцѣ, боясь, что война уже объявлена, что я не успѣю принять въ ней участія, какъ она прекратится, ибо кругомъ высказывалось мнѣніе, что войнѣ не дадутъ продлиться болѣе двухъ недѣль.

Вотъ, наконецъ, и Старая Загора. Вокзалъ. Еще темно; видно нѣсколько офицеровъ главной квартиры; здѣсь и градоначальникъ Софіи, исполняющій теперь обязанности при главной квартирѣ. По перону расхаживаютъ часовые народнаго ополченія съ прикинутыми штыками. 7

Я съ бьющимся сердцемъ смотрѣлъ въ окно вагона, ожидая носильщика, но ихъ здѣсь не было, и пришлось самому все вынести, такъ какъ поѣздъ начиналъ маневрировать. На вокзалѣ я едва-едва отыскалъ какого-то мелкаго желѣзнодорожнаго служащаго, согласившагося за 6 франковъ донести мои вещи до дома. Мы прошли черезъ скверъ и вышли на площадь, на которой ночевалъ водовій обозъ. Кое-гдѣ горѣли костры; около нихъ копошились люди, слышалась болгарская и турецкая рѣчь. Звѣзды начинали блекнуть и гаснуть; скоро должно было встать еще скрывавшееся за горизонтомъ солнце. Стало уже настолько свѣтло, что я ясно видѣлъ лицо моего носильщика. Отъ него я узналъ, что въ 8 часовъ утра должно состояться чтеніе манифеста въ церкви Пресвятой Богородицы, что самъ царь здѣсь, что онъ-то и будетъ читать манифестъ. Мнѣ страшно хотѣлось попасть на это торжество, но какъ я ни старался, какъ ни спѣшилъ, а все же запоздалъ и былъ у церкви, лишь когда начался разѣздъ.

На поворотѣ къ площади отъ церкви Пресвятой Богородицы я встрѣтилъ вереницу автомобилей; въ первомъ, красномъ, ѣхалъ какой-то генералъ-лейтенантъ въ пальто съ краснымъ воротникомъ. Сначала я не узналъ сидѣвшаго, но когда автомобиль, подѣхавъ ближе, остановился на поворотѣ, то я, взглянувъ, вспомнилъ знакомыя черты полковника Савова, бывшаго военнаго министра. Мнѣ пришлось видѣть его раньше, въ 1902—1903 гг., на смотру въ Сливненскомъ лагерѣ. Ярво встала въ памяти картина: -жаркое іюльское утро, ослѣнительная бѣлизна палатокъ, освѣщен

ныхъ солнцемъ, и группа всадниковъ съ полковникомъ Савовымъ во главѣ. Это—сухощавый мужчина строгой наружности. О немъ и тогда отзывались, какъ объ исключительномъ организаторѣ и суровомъ воинѣ.

Сейчасъ генераль самъ управлялъ своимъ автомобилемъ. Онъ ошибся направленіемъ, взявъ отъ церкви прямо, вмѣсто того, чтобы свернуть налѣво. Произошла задержка всѣхъ слѣдующихъ экипажей, но очень скоро генераль Савовъ исправилъ свою ошибку и свернулъ въ улицу. Лицо его было очень красно — былъ ли онъ смущенъ своей ошибкой или волненіе пережитыхъ въ церкви минутъ еще не исчезло съ его лица?

Въ закрытомъ моторѣ ѣхалъ царь Фердинандъ, но съ кѣмъ— я не успѣлъ разсмотрѣть. Въ открытое окно мотора я на секунду увидѣлъ склоненный впередъ величавый профиль царя. За царскимъ автомобилемъ потянулся рядъ другихъ со знакомыми и незнакомыми мнѣ лицами. Толпа, заполнявшая площадь и улицы, стала понемногу расходиться, дѣлясь впечатлѣніями, узнавая и сообщая о видѣнномъ въ церкви. Отъ очевидцевъ я услышалъ что царь былъ очень взволнованъ при чтеніи манифеста. Читала его медленно, стараясь сдержать рвавшееся наружу волненіе. Присутствовавшіе единогласно утверждаютъ, что никогда не позабудутъ минутъ, пережитыхъ подъ звуки взволнованнаго голоса царя.

Солнце порядочно уже грѣло, когда я подходилъ къ воротамъ гимназіи, занятой штабомъ арміи. Не было еще 9 часовъ утра. У воротъ стояли 2 часовыхъ гвардейскаго полка. Меня удивило, что никто меня не остановилъ, несмотря на мою иностранную форму. Во дворѣ уже стояли автомобили прибывшихъ изъ церкви Пресвятой Богородицы чиновъ штаба. Очутившись въ коридорахъ гимназіи, немало подивился я царившей въ нихъ тишинѣ, немногочисленности, полному отсутствію суеты. Направо и налѣво двери; на иныхъ ярлычки съ названіемъ помѣщающагося тамъ отдѣленія или секціи штаба, на другихъ такія же надписи просто мѣломъ по желтой окраскѣ двери. Мнѣ стало жутко: я почувствовалъ себя такимъ одинокимъ здѣсь, гдѣ должна была опредѣлиться моя участь. Кругомъ чужіе. И вдругъ вспомнился знакомый майоръ, состоящій при главной квартирѣ. Я сейчасъ же справился о немъ у нижняго чина и узналъ, что онъ здѣсь, въ томъ же помѣщеніи, что и я. Это сильно ободрило меня и воскресило надежду на благо-

пріятный исходъ моихъ хлопотъ. Я велѣлъ доложить ему о моемъ желаніи повидаться съ нимъ.

Дождаясь желаннаго свиданія, я задумался и неожиданно увидѣлъ передъ собой какого-то генерала, который на русскомъ языкѣ, съ нѣскольکو твердымъ акцентомъ, выразилъ свое удовольствіе видѣть меня здѣсь. Сталъ спрашивать о причинахъ пріѣзда, о томъ, что дѣлается въ Россіи. Кажется, я имѣлъ дѣло съ главнымъ интендантомъ, давнишнимъ моимъ знакомымъ, котораго слабо припоминалъ. Говорили мы недолго, такъ какъ подошедшій солдатъ доложилъ, что маіоръ ожидаетъ меня. Я поторопился къ нему, и онъ сталъ моимъ руководителемъ въ главной квартирѣ, гдѣ, собственно говоря, самъ лично для меня все и устроилъ. Въ его кабинетѣ, куда я былъ введенъ, стояли три стола, ящики съ картами и находились его начальникъ — подполковникъ и его помощникъ. Всѣ они очень привѣтливо меня встрѣтили, а я сталъ съ трепетомъ ждать, когда рѣшится мое дѣло. Маіоръ нѣскольکو разъ выходилъ и входилъ въ кабинетъ, наконецъ, позвалъ меня и сообщилъ, что я долженъ представиться помощнику начальника штаба дѣйствующей арміи. Я такъ и сдѣлалъ. Солдатъ доложилъ обо мнѣ и я вошелъ въ высокую продолговатую комнату въ два окна. Въ одно изъ нихъ врывались снопы солнечнаго свѣта, другое же было завѣшено отъ солнца занавѣсью суроваго цвѣта. На двухъ столахъ была разложена громадная карта Балканскаго полуострова. На третьемъ небольшомъ столикѣ лежало удивительно незначительное для штаба дѣйствующей арміи количество бумагъ. Полковникъ стоялъ у карты, задумчиво склоняясь надъ ней и разсматривая ее. Это былъ брюнетъ средняго роста. Я отрапортовалъ по-военному; полковникъ подалъ руку и любезно разспросилъ меня о моемъ желаніи. Во время разговора, бросивъ нѣскольکو бѣглыхъ взглядовъ на карту, я замѣтилъ обозначенныя на ней прямоугольниками болгарскія силы и заштрихованными овалами — турецкія. Полковникъ простился со мною, обѣщая доложить о моемъ дѣлѣ начальнику штаба.

Полчаса спустя, я написалъ рапортъ послѣднему о зачисленіи меня въ скорострѣльную артилерію и приготовился ждать отвѣта неопредѣленное, но, конечно, значительное количество времени. Однако, уже въ 5 часовъ дня, къ моему великому удивленію и радости, я имѣлъ въ рукахъ предписаніе отправиться къ своей части. Удивительно легко и просто! Съ меня не потребовали предъ-

явленія какихъ-либо документовъ, никто ни усомнился въ томъ, что я говорилъ....

Мнѣ пришлось быть еще въ артилерійской инспекціи, гдѣ помощникомъ генераль-инспектора мнѣ тоже было оказано много вниманія. Помѣщалась инспекція въ угловой большой комнатѣ той же гимназіи, гдѣ и главная квартира. Въ ней четыре стола: для полковника, его адъютанта и двухъ помощниковъ. На одной стѣнѣ карта театра военныхъ дѣйствій, на другой—подробный планъ крѣпости Адрианополь. Количество бумагъ нѣсколько значительнѣе, чѣмъ я видѣлъ до сихъ поръ, но все же очень небольшое. Полковникъ, напутствуя меня наилучшими пожеланіями, просилъ передать моимъ будущимъ сослуживцамъ его привѣтъ. Онъ, оказывается, лишь 6 мѣсяцевъ тому назадъ оставилъ командованіе этимъ полкомъ.

Вечеромъ я долженъ былъ уѣзжать изъ Старой Загоры и оставшееся время употребилъ на хожденіе по лавкамъ, закупку необходимыхъ вещей и на свиданіе съ родными и близкими. Слухи о расположеніи нашихъ войскъ, объ ихъ дѣйствіяхъ носились самыя разнообразныя: еще около двухъ часовъ говорили о нашихъ успѣхахъ у Мустафа-Паши, сообщали даже число жертвъ и о томъ, что мостъ на Марицѣ снасенъ. Къ вечеру стали говорить, что царь, а по отзывамъ другихъ престолонаслѣдникъ, съѣздилъ уже въ Мустафа-Пашу и наградилъ раненыхъ. О планѣ дѣйствій болгарскихъ войскъ я, несмотря на всѣ мои старанія, ничего не могъ узнать въ штабѣ. Настроеніе тамъ было озабоченное, но не мрачное.

Мало-по-малу приближалось время моего отъѣзда.

II. Къ своей части.

Поѣздъ, съ которымъ я выѣхалъ изъ Старой Загоры, былъ нагруженъ артилеріей. На станціяхъ встрѣчаютъ и провожаютъ поѣздъ пѣсни и громовое «ура». Я не видѣлъ ни одного угрюмаго солдатскаго лица, хотя запасные этой артилеріи были среднихъ сроковъ службы, большинство изъ нихъ семейные. Къ часу ночи мы были въ Ямболѣ. До города со станціи за позднимъ временемъ пришлось добираться пѣшкомъ, неся необходимый багажъ въ рукахъ. Въ этапной канцеляріи намъ указали немедленно мѣсто для ночлега.

Седьмое октября настало мрачное: то моросить, то льетъ дождь.

Въ 6 часовъ утра я былъ ужъ на ногахъ и, какъ только вполнѣ разсвѣло, вышелъ изъ комнаты на воздухъ и сталъ наблюдать начавшуюся уже дневную суету. У входа въ этапное управленіе 1-й арміи толкалась и гудѣла толпа, громадныя каміоны пыхтѣли, одинъ за другимъ нагружались и отправлялись на югъ. Въ легкихъ автомобиляхъ размѣщались опоздавшіе изъ-за границы санитары.

Въ начальникѣ этапнаго управленія 1-й арміи, полковникѣ Баяджіевѣ, я узналъ давняго моего знакомаго. Благодаря этому знакомству, мнѣ удалось быстро достать подводу, хотя я ѣхалъ въ другую армію.

Сѣѣздилъ на вокзалъ за вещами, потомъ заѣхалъ за дивизионнымъ докторомъ 4-й дивизіи Лячевымъ, съ которымъ мы уговорились ѣхать вмѣстѣ; встрѣтились и познакомились мы съ нимъ наканунѣ въ поѣздѣ.

Былъ уже десятый часъ, когда мы, наконецъ, тронулись въ путь въ обыкновенной телѣгѣ на жалкихъ обывательскихъ лошаденкахъ, дѣлавшихъ едва 40 верстъ въ день. Но и то счастье, что можно было достать хоть такую подводу, такъ какъ при мобилизаціи всѣ лучшія и даже сносныя лошади взяты въ армію. Кучеръ, взятый прямо отъ сохи сельскъ, одѣтъ въ военную форму, но военнаго въ немъ не было ничего. Кучеръ и докторъ устроились рядомъ, а я верхомъ на своемъ сундукѣ. Было сыро, грязно, моросилъ дождь прямо въ лицо, затуманивая мнѣ и доктору очки. Мы взяли направленіе на Мидирисъ—Мансарлій—Гидиклій—Войника. Вправо отъ насъ тянулась долина рѣки Тунджи, по которой проходитъ шоссе на Кизыль-Агачъ; на немъ строили желѣзную дорогу полевого типа, впослѣдствіи недоконченную и заброшенную. Скорость движенія войскъ и событія опередили скорость ея постройки и она оказалась ненужной.

Влѣво и впереди возвышались монастырскія высоты. Какъ давно я помню ихъ, такъ же давно я лелѣялъ мечту посѣтить ихъ и ютившійся тамъ монастырь св. Спаса. Мое желаніе оставалось неисполненнымъ, а теперь я тоже спѣшилъ и могъ только издали имъ любоваться. Параллельно намъ шло вновь строящееся и запоздавшее шоссе. Сотня рабочихъ равняла гранитный щебень. Дорога, испорченная дождями, нервное напряженіе, лѣнивое движеніе лошадей—все это изводило меня невозможно. А тутъ еще докторъ каждыя четверть часа донималъ меня, оборачиваясь и повторяя: «я поглѣждай, куфарчето ми да не падне» (Ну, посмотри-

вай, не упалъ бы мой чемоданъ). Имѣли неосторожность его чемоданчикъ уложить позади всѣхъ вещей; хотя онъ, будучи плотно зажатъ прочей поклажей, и не могъ выпасть, однако, его положеніе не переставало тревожить владѣльца. Послѣдній только тогда успокаивался, когда я, въ свою очередь, поворачивался назадъ и, нащупавъ чемоданъ руками, заявлялъ, что все обстоитъ благополучно.

Гористая мѣстность мѣшала опредѣлить скорость движенія. Села расположены глубоко въ лощинахъ, такъ что ориентировъ, кромѣ вершинъ, нѣтъ. Ориентировка по картѣ во время движенія не даетъ указаній желаемой точности о разстояніи до слѣдующей деревни. Мнѣ же было важно это знать, дабы имѣть возможность судить, какъ скоро мы двигаемся. Хотѣлось къ вечеру достигъ намѣченной цѣли и не утомлять излишне лошадей. Верстовые столбы въ этихъ случаяхъ незамѣнимы. Знаніе скорости аллюровъ своей лошади также облегчаетъ ориентировку.

Къ часу дня мы пріѣхали въ Гидиклій. Здѣсь оказались хлѣбопекарни 4-й дивизіи 3-й арміи. Докторъ обрадовался, узнавъ, что командиръ роты, капитанъ Милановъ, его знакомый. Гостепріимствомъ послѣдняго мы рѣшили воспользоваться и кстаті дать отдыхъ нашимъ лошадямъ. Хлѣбопеченье шло непрерывно ночью и днемъ, частью въ походныхъ печахъ, частью въ наскоро приготовленныхъ. Продовольственная рота не задерживалась на мѣстѣ долѣе двухъ—трехъ дней.

Печи приготовлялись за день, за два до прихода роты мѣстнымъ населеніемъ или саперными частями. Насколько могу судить, вопросъ о снабженіи хлѣбомъ былъ поставленъ образцово: войска всегда получали свой хлѣбъ не только своевременно и въ должномъ количествѣ, но ѣли его болѣе, чѣмъ полагалось. Забѣгая впередъ, отмѣчу, что уже 2-го ноября та же рота капитана Миланова работала въ 300 километрахъ отъ Гидиклій—на станціи Черкескій.

Энергичный капитанъ только что окончилъ пробирать двухъ хлѣбопекоевъ, когда мы подошли къ нему. Кажется, дѣло не обошлось безъ потасовки, по крайней мѣрѣ, онъ намъ жаловался: «Всички работять добре, но има двѣ мързивили магарета. Ще ти отрепа» (Всѣ работаютъ хорошо, но есть два лѣнивыхъ осла. Я ихъ прибью).

Намъ онъ былъ очень радъ и, какъ свѣжихъ людей, засыпалъ вопросами. Отдавъ распоряженія относительно нашихъ лошадей,

онъ провелъ насъ къ себѣ. Капитанъ занималъ одну лучшую комнату въ домѣ кмета (старосты); въ ней были: каминъ, два соломенныхъ матраца, столъ, двѣ табуретки и нѣсколько предметовъ хозяйственнаго обихода. Въ этой комнатѣ капитанъ жилъ со своимъ писаремъ, бывшимъ секретаремъ банка въ Русукѣ. Мы вчетверомъ сѣли за столъ. Не знаю, на самомъ ли дѣлѣ все было такъ вкусно приготовлено, или это казалось намъ послѣ утомительной дороги и съ голоду, но мы оказали должную честь всему поданному. Часъ спустя, мы уже ѣхали дальше.

Впереди синѣла гора Бабаджикъ, а надъ ней собирались черныя тучи. Солнце силилось прорваться изъ-за нихъ, но напрасно. Тучи шли намъ навстрѣчу, и не разъ мочилъ насъ дождь прежде, чѣмъ мы прибыли въ село Тюркмены. Тутъ я разстался съ докторомъ, который поѣхалъ дальше на югъ по слѣдамъ проѣзжавшаго здѣсь ранѣе лазарета 4-й дивизіи. Наконецъ-то я усѣлся поудобнѣе рядомъ съ кучеромъ, взялъ вожжи въ руки и энергичнѣе погналъ лошадей. Однако, бѣдныя животныя, еще вчера сбѣгавшія изъ Ямболя въ Кизыль-Агачъ и обратно, черезъ полчаса моего управленія могли идти только шагомъ. Съ большимъ трудомъ дотацились мы въ началѣ шестого часа въ с. Войника. Тутъ меня ждало разочарованіе: командующій арміей, еще вчера находившійся здѣсь, оказался теперь въ 40 верстахъ южнѣе въ селѣ Ахлатліѣ. Эти свѣдѣнія я получилъ отъ офицерскаго кандидата 3-го Бдинскаго полка, ведшаго команду отсталыхъ въ 40 человекъ.

Пользоваться телѣгой дальше я не могъ: съ этого пункта подводу надо было вернуть. Достать свѣжихъ лошадей негдѣ: все взято, уведено; этапнаго пункта нѣтъ. Осталось единственно только присоединиться къ отставшей командѣ. Стараніями кандидата были добыты 3 телѣги, занряженные буйволами. На нихъ сложили амуницію отсталыхъ, мои вещи, сѣли наиболѣе слабые или нездоровые изъ команды, и, уже пасмурная ночь окутывала вершины горъ, когда мы двинулись на село Александрово. Я съ кандидатомъ шли впереди. «Вотъ уже 13 дней идемъ походомъ съ самага Видина и все такая слякоть, сырость, грязь», жаловался мой спутникъ. «Все же у васъ немного отсталыхъ», замѣтилъ я. Дѣйствительно, на болгарскій полкъ въ 5.000 человекъ 40 человекъ отсталыхъ—⁰/₁₀ ничтожный. Въ разговорѣ кандидатъ выразилъ какъ бы досаду, что ему поручили вести команду отсталыхъ, а не дали болѣе серьезнаго дѣла, но въ то же время въ его тонѣ слышалась и нотка гордости, что все же въ его рукахъ самостоятельное дѣло. Я

поинтересовался узнать, кѣмъ онъ служилъ до мобилизаціи. Оказывается, занимался адвокатурой въ Софіи. Къ сожалѣнію, фамилію его я забылъ, а впослѣдствіи не разъ видѣлъ его въ бою или на походѣ.

Шлепая по грязи, скользя, спотыкаясь, мы продвигались впередъ. Телѣги то и дѣло отставали, приходилось останавливаться, поджидая ихъ. А дождь все лилъ и лилъ... Все мрачнѣе и мрачнѣе становилась ночь... Мы двигались по склонамъ Бабаджика. Стало совсѣмъ непроницаемо темно. Ничего не видно и не слышно, кромѣ скрипа телѣгъ, да шлепанья ногъ по лужамъ и грязи. Не разъ останавливались, думая, что сбились съ дороги. Всѣ попытки выяснитъ положеніе—тщетны. Тьма, дождь, спички не зажжешь, а электрическій фонарикъ весьма некстати прекратилъ свои функціи. Брели мы на удачу... Вотъ запахъ дыма; пожалуй, деревня... Такъ и есть—блеснулъ огонекъ. Но что намъ до нея? намъ надо совсѣмъ въ другую сторону. Пошли дальше... Идемъ... Идемъ... Наконецъ-то, спускаясь въ доль, обнаружили нужное намъ село. Усталые, голодные, измокшіе, еще минутъ двадцать мы бродили по селу отъ двора ко двору, пока нашли кмета (старосту). Вмѣстѣ съ нимъ устроили сначала больныхъ нижнихъ чиновъ, а потомъ уже и мы помѣстились въ его избѣ. Тамъ было 4 комнаты, почти безъ всякой обстановки, такъ какъ боязнь прихода турокъ заставила все приготовить на случай бѣгства. Сонная жена старосты и трое ребятишекъ грѣлись у большого камина въ одной изъ комнатъ, а сосѣднюю отдали намъ: мнѣ, кандидату и тремъ санитарамъ.

Угостивъ насъ яичницей и сыромъ, хозяинъ далъ намъ на ночь нѣсколько тяжелыхъ ковровъ и пожелалъ покойной ночи. Мы легли на полу, подстеливъ одинъ изъ ковровъ, другими же накрылись. Несмотря на холодный глинобитный полъ, чувствовавшійся сквозь коверъ, я заснулъ, какъ убитый, и спалъ дольше другихъ. На другой день мнѣ лишь къ десяти съ половиною часамъ удалось съ большимъ трудомъ раздобыть пару лошадокъ и телѣгу. Поблагодаривъ кмета, напутствуемый его благопожеланіями, я простился со своими спутниками и отправился одинъ въ дальнѣйшій путь. Мрачное сѣрое небо къ полудню стало проясняться. Солнце силось пронзить тучи и согрѣть своими осенними, но все еще теплыми лучами размокшую и грязную землю. Я задался цѣлью къ 2 часамъ дня быть въ Ахлатліѣ и, если командующаго 3-й арміей тамъ не будетъ, нагнать его къ вечеру. Разстояніе до Ахлатлія небольшое—всего 20 километровъ.

На подъемѣ къ югу отъ лоцины рѣки Гюндюзлерска я встрѣтилъ впервые войсковой огнестрѣльный транспортъ. Длинная вереница телѣгъ, запряженныхъ буйволами или волами. Этотъ транспортъ задерживалъ меня и сильно портилъ дорогу, такъ что въ Ахлатлій я прибылъ въ исходѣ 3-го часа. Какъ разъ въ это время черезъ все село тянулась 2-я бригада 6-й пѣхотной дивизіи съ однимъ дивизиономъ 2-го скорострѣльнаго артилерійскаго полка. Отыскавъ коменданта этапа, я узналъ отъ него, что командующій уже въ Кайбилярѣ. Рѣшилъ остановиться до 4 часовъ, покормить лошадей, а потомъ продолжать путь.

Стоя у своей телѣги, я смотрѣлъ на двигавшуюся мимо меня колонну: она шла быстрымъ, бодримъ шагомъ; разговоръ въ рядахъ почти не слышно; ружья у кого на плечѣ, у кого на ремнѣ; штыки отомкнуты. Люди поодиночкѣ то и дѣло жадно принимали къ ведру или кувшину съ водой, вынесеннымъ крестьянками; временами жаждущихъ скоплялось такъ много, что они запруживали всю улицу. Тогда начальство возобновляло движеніе. Это дѣлалось очень энергично и быстро. Покорность полная, безропотная.

Съ моимъ возницей вышелъ тутъ маленькій инцидентъ: онъ на виду у проходящей колонны, сталъ свертывать себѣ папирску. Не успѣлъ онъ и глазомъ моргнуть, какъ одинъ изъ проходившихъ солдатъ выхватилъ у него изъ рукъ табакъ, бросивъ взамѣнъ его цѣлый франкъ. Правда, въ матеріальномъ отношеніи онъ оказался не въ убыткѣ: табакъ стоилъ не дороже 20 сантимовъ, но удовольствія покурить лишился надолго. Табакъ и вода — вотъ двѣ вещи, отъ которыхъ трудно оторвать людей. Но даже и взгляды этихъ худощавыхъ, навьюченныхъ, съ разстегнутыми воротами «войниковъ» не выражалъ недовольства, когда, по приказу начальства, они снова двигались въ утомительный путь. Они шли... приостанавливались... снова шли, шлепая и скользя по грязи...

Вотъ мимо меня потянулся 2-й скорострѣльный артилерійскій полкъ. Въ корню запряжены сильныя русскія лошади, въ переднихъ уносахъ тоже относительно рослая лошади, а лошади среднихъ уносовъ были еле видны изъ-подъ амуниціи, выюковъ и рослыхъ «юнаковъ».

Потомъ снова пѣхота, лазаретныя линейки... Эта колонна войскъ (полки 35 и 36) вышла изъ села Омана около 2 часовъ пополудни и къ 9 часамъ вечера была уже въ турецкой деревнѣ Малкочъ, гдѣ и стала на ночлегъ, сдѣлавши въ 7 часовъ времени около 35 километровъ безъ отдыха; я же за весь день 8-го октября

на парѣ лошадей могъ сдѣлать лишь 40 километровъ съ небольшимъ.

Несмотря на мое желаніе нагнать командующаго 3-й арміей еще въ тотъ же день вечеромъ въ Кайбилярѣ, мнѣ пришлось заночевать въ Казы-Клиссе. Я не могъ установить, какія части прошли здѣсь до меня, а при мнѣ прошла саперная дружина, кажется, изъ состава 5-й дивизіи.

Была уже чудная, лунная, прохладная ночь, когда я въѣхалъ въ эту деревню (Казы - Клиссе). Сначала мы направились въ корчму, гдѣ добыли вина и чаю. Туда пришелъ за нами кметъ, который и отвелъ намъ номѣщеніе. Моя хозяйка, еще молодая, красивая женщина, была разговорчивѣе и смышленѣе своего мужа, изрѣдка вставлявшаго слово въ нашъ разговоръ. Хозяйка бойко болтала, вспоминая о пребываніи въ ихъ краяхъ, еще 35 лѣтъ тому назадъ, русскихъ войскъ. Поодаль и нѣсколько позади ея молча сидѣла за работой ея молодая красавица-невѣстка. Работая, она зорко слѣдила за своими новыми родителями, стараясь всячески угодить имъ; то вставала она что-нибудь подать, принести, найти, то бѣжала по хозяйству.

Свекровь ея рассказала, что въ деревнѣ всѣ бабы свернули, сложили и попрятали свое добро въ ожиданіи нашествія турокъ. Я смѣялся надъ ея страхами, старикъ силился поддакивать мнѣ, но, видимо, ему хорошо еще были памятны ужасные дни турецкаго владычества, такъ какъ временами улыбка бессильно и жалко каменѣла на его лицѣ.

Легъ я спать рано, чтобы съ разсвѣтомъ подняться. На другой день въ 7 часовъ утра я въѣхалъ изъ Казы-Клиссе, въ 9 часовъ былъ въ Кайбилярѣ, но—увы! тамъ оставались только автомобили командующаго, а самъ онъ со штабомъ былъ дальше впереди. Не-вдалекѣ отъ села видны слѣды покинутыхъ биваковъ, бивакирующие парки, колонны подходящихъ войскъ.

Собравъ нужныя мнѣ свѣдѣнія о командующемъ, я снова поѣхалъ вслѣдъ за нимъ къ турецкой границѣ, отстоявшей отъ Кайбиляра на одинъ километръ.

Намъ пришлось проѣзжать черезъ деревню, всю выжженную до тла. Кое-гдѣ развалины еще дымились. Кругомъ на высотахъ едва виднѣлись группы и колонны пѣхоты, а черезъ деревню тянулся обозъ.

Я настигъ 3-ю армію на маршѣ изъ Кайбиляра къ Ереклеръ и Карамза. Передо мной оказалась широкая колонна обозовъ,

двигавшихся по дефиле, почти все время на рысяхъ. Я обгонялъ обозы, парки, пѣхоту и уже настигалъ артилерію, когда вдругъ парки, находившіеся впереди въ дефиле, повернули и понеслись назадъ съ крикомъ, что турецкая кавалерія наступаетъ. Я остановилъ свою подводу, слѣзъ и пытался освѣдомиться, въ чемъ дѣло. Въ это время пѣхота и артилерія быстро заняли высоты и стали на позицію. Въ обозахъ же царило замѣшательство, и прошелъ добрый часъ времени, пока все успокоилось, разобралось и тревога оказалась ложной. Колонна снова двинулась впередъ.

Я покинулъ мою подводу и пошелъ пѣшкомъ, думая о причинахъ только что видѣнной паники. Впослѣдствіи мнѣ удалось узнать, какъ было дѣло: войска 3-й арміи двигались въ 4-хъ колоннахъ первой линіи по обѣимъ сторонамъ рѣки Тэкедере, имѣя за собой во второй линіи двѣ колонны, а на уровнѣ ихъ обозъ первой линіи, что вполнѣ допускала ширина дороги въ этомъ мѣстѣ. Съ фланга, дѣйствительно, появился небольшой турецкій кавалерійскій отрядъ. Увидя, что передъ нимъ врагъ болѣе многочисленный и сильный, отрядъ такъ же быстро скрылся, какъ и появился. Вотъ тутъ-то надо было попридержатъ обозы, указавъ имъ на ихъ безопасное положеніе, такъ какъ они были защищены войсками, а вмѣсто этого ихъ повернули. Кто-то изъ болѣе трусливаго десятка крикнулъ о наступленіи турецкой кавалеріи. Произошло смятеніе; тяжелая масса новозокъ двинулась въ карьеръ съ гикомъ назадъ. Отсюда паника. Болѣе же глубокая причина ея кроется въ томъ, что кадры обозовъ и парковъ, ничтожные въ военное время, при развертываніи пополнялись большимъ количествомъ почти не военныхъ по духу, оттого мало стойкихъ да и умѣлыхъ людей.

Солнце уже порядочно жгло. Я, страшно усталый, шелъ по сыпучему песку берегомъ рѣки. Наконецъ, рѣшилъ отдохнуть. Сѣвъ въ тѣни скалы, я впервые услышалъ звуки дальней канонады. Это были тѣ же орудійные выстрѣлы, что и на практической стрѣльбѣ, но здѣсь было что-то грозное, зловѣщее въ этихъ звукахъ, однимъ несшихъ смерть, а другимъ напоминавшихъ о ней.

Приблизительно черезъ полчаса 2-е отдѣленіе 2-го скорострѣльнаго артилерійскаго полка догнало меня. Я представился офицерамъ. Командиръ 6-й батареи любезно предложилъ мнѣ лошадь. Вниманіе всѣхъ привлекала моя форма, отовсюду неслись вопросы о впечатлѣніи мобилизаціи, о томъ, что дѣлается въ Россіи, нѣтъ ли слуховъ о возможности войны и т. д.

Только въ шестомъ часу вечера мнѣ удалось нагнать командующаго 3-й арміей и представиться ему. Онъ зналъ меня еще ребенкомъ, когда мы вмѣстѣ учились съ его сыномъ. Я не могъ надѣяться, что онъ вспомнитъ меня. Но, къ моему удивленію, лишь только я назвалъ свою фамилію, какъ онъ сказалъ, что помнитъ меня. Сталъ спрашивать о моей службѣ, о намѣреніяхъ, надолго ли я въ Болгарію, не предполагаю ли я остаться въ ней послѣ войны... На послѣднее я отвѣтилъ, что «прежде всего, генералъ, надо въ живыхъ остаться». Онъ мнѣ предложилъ еще нѣсколько вопросовъ, затѣмъ, со словами: «Вы удачно попали—съ корабля на балъ: у насъ завтра рѣшительный бой, желаю вамъ отличиться», онъ любезно простился со мною. Когда я выходилъ отъ командующаго, къ нему пріѣхалъ ротмистръ кавалерійской развѣдки съ докладомъ. Выслушавъ его, генералъ сейчасъ же далъ ему задачу на слѣдующій день.

Я поспѣшилъ къ мѣсту моего назначенія, чтобы представиться моему прямому начальству. Было совершенно темно, когда я прибылъ въ свою часть, находившуюся въ низинѣ сѣверо-западнѣе Ереклера. Опять по пути та же широкая колонна пѣхоты, артилеріи и обозовъ. Если смотрѣть на это движеніе поверхностно, то кажется трудно въ немъ разобраться, трудно что-нибудь найти въ этой суматохѣ. На самомъ же дѣлѣ все правильно распределено, всѣ такъ хорошо знаютъ свои части и свое дѣло, такъ быстро ориентируются, что не было ни затерявшихся повозокъ, ни людей. Конечно, не все можно приписать одной образцовой организаціи. Нѣтъ, много содѣйствуетъ порядку сообразительность и интеллигентность болгарскаго солдата.

Въ этотъ вечеръ мнѣ такъ и не удалось найти ни штаба дивизіи, ни полка, хотя я обошелъ все село, спрашивая о нихъ. Село было турецкое; жители покинули его. Мѣстами дымились обгорѣвшія развалины, валялось брошенное имущество, много соломы, сѣна, всякаго корма для домашнихъ животныхъ и птицъ. Какъ части, такъ и отдѣльныя лица, воспользовались оставшимся имуществомъ. Въ поискахъ штаба, вдругъ слышу крики: «держи, лови, ура» и выстрѣлы. Иду на голоса. Оказывается, какой-то турокъ, вѣроятно, мародеръ, наткнулся на нашъ бивакъ. Его замѣтили, погнались, онъ—бѣжать... Въ него-то и стрѣляли, но темнота спасла его и дала возможность скрыться.

Относительно дѣйствій 3-й арміи за 9-е октября мнѣ удалось выяснитъ слѣдующее: прежде всего она выполнила свою задачу,

занявъ конечные пункты, намѣченные по диспозиціи. Двигалась армія въ такомъ порядкѣ: 4-я дивизія на Карамза по-бригадно— 2 бригады въ первой линіи, а одна въ затылокъ лѣвой по правому берегу рѣки Тэкедере; 5-я дивизія въ двухъ колоннахъ, на Ереклеръ, имѣя въ затылокъ вторую бригаду 6-й пѣхотной дивизіи, составляющей съ бригадой 5-й дивизіи маневренный резервъ; первая бригада 6-й дивизіи въ полупереходѣ позади, составляя резервъ командующаго.

Эта бригада была наиболѣе отставшей (полки 3 и 15). 2-е отдѣленіе 2-го артилерійскаго скорострѣльнаго полка было придано ко второй бригадѣ 6-й дивизіи (полки 35 и 36).

На ночлегъ армія наша расположилась на линіи Карамза—Ереклеръ, соотвѣтственно своему движенію, имѣя сторожевое охраненіе на линіи Ески-Полось—Кадыкіюй. Бой 9-го октября свелся именно къ овладѣнію этими пунктами.

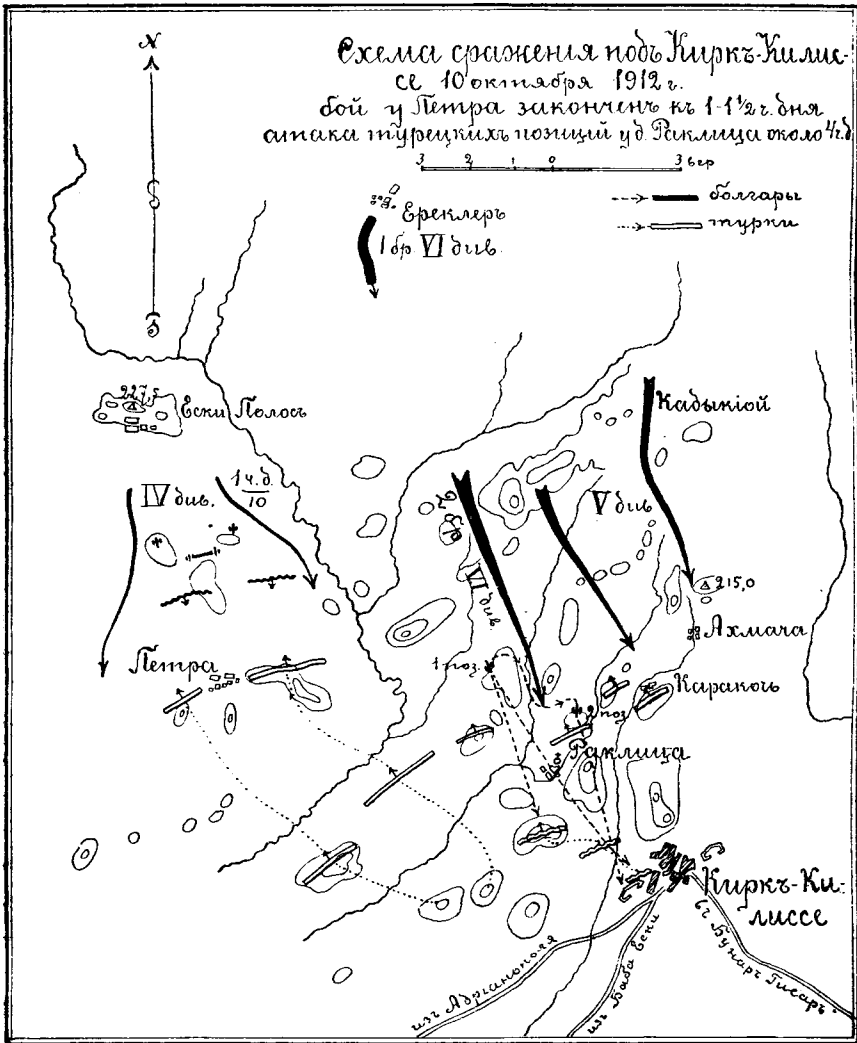
Вечеромъ 9-го я былъ на своемъ бивакѣ, гдѣ меня приютилъ и накормилъ командиръ 5-й батареи, а то я весь день ничего въ ротъ не бралъ. Онъ произвелъ на меня отличное впечатлѣніе; на каждомъ шагу въ немъ была видна забота о солдатѣ, вниманіе къ нижнему чину и предусмотрительность. Засталъ я его, когда онъ подъ навѣсомъ палатки, окруженный солдатами своей батареи, въ присутствіи субалтерна, дѣлилъ между ними добытый гдѣ-то въ покинутой саклѣ такъ называемый «петмесь», т. е. виноградный сокъ.

Ночь эту я проспалъ довольно спокойно для военнаго времени. За ночь была лишь одна перестрѣлка въ аванпостахъ, часовъ около 10, а затѣмъ до утра тихо. Утромъ былъ обрадованъ назначеніемъ именно въ 5-ю батарею, съ которой и принялъ въ тотъ же день боевое крещеніе.

III. На позиціяхъ.

Мѣстность, на которой разыгрался бой 10-го октября, гористая. Ряды горныхъ хребтовъ направляются почти правильно съ сѣверо-сѣверо-востока на юго-юго-занадъ. Грунтъ то каменистый, то песчано-глинистый, тяжелый для передвиженія. Спуски и подъемы круты, дорогъ почти нѣтъ, а которыя имѣются, то лишь въ одну колею и не наѣзжены. Почва вдобавокъ размыта дождями, лившими почти недѣлю. Ориентировка очень затрудняется однообразной скалистой конфигураціей вершинъ: всѣ онѣ зазубрены

и отчасти напоминают челюсти громадных животных. Издали кажутся сплошными, но, когда находишься на них, видишь гряды камней, раздѣленныхъ, гдѣ лужайками, гдѣ пашнями, сильно затрудняющими маневрирование артилеріи. Замѣтнѣе другихъ по своему строенію вершина 227,5 (3-верстная карта военно-карто-

графическаго института въ Софіи, изд. 1910 г.) у Ески-Полоса, имѣющая видъ трапеціи съ одинокимъ клыкѣмъ. Скаты покрыты кустарникомъ. Такимъ образомъ, имѣется въ наличности много позицій, выгодныхъ, какъ для обороняющагося, такъ и для нападающаго, такъ какъ кусты и скалы легко маскируютъ движеніе.

Но связь и маневрирование весьма затруднительны, и въ видахъ успѣха выгоднѣе доводить дѣло скорѣе до штыкового удара.

Тусклый, поздній разсвѣтъ сырого дня 10-го октября навсегда останется въ памяти участниковъ боя подъ Лозенградомъ (въ переводѣ—городъ виноградниковъ, а по-турецки Киркъ-Килиссе—40 церквей), рѣшившаго судьбу войны.

Бой завязался съ разсвѣтомъ. Бригада, къ которой мы были приданы, вошла въ составъ маневреннаго резерва, дѣйствовавшего въ направленіи Ереклеръ—Кадыкіой—Киркъ-Килиссе. Уже въ полуверстѣ отъ Ереклера были видны слѣды отступленія турокъ: брошены патроны, патронные ящики и двуколки. На одной изъ вершинъ въ полутора верстахъ юго-восточнѣе Ереклера въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось увидѣть убитыхъ. Ихъ было двое. Судорожно окоченѣлый трупъ, съ закинувшейся назадъ головой, съ сжатыми кулаками и раскинутыми вытянутыми ногами—произвелъ на меня очень непріятное и тяжелое впечатлѣніе. Оба убитые—богатыри по сложенію и росту. Здѣсь турки упорно держались за камнями, и по нимъ наша артилерія не дѣйствовала. Пѣхота шла безъ выстрѣла отъ завала къ завалу, и подъ конецъ безумно открыто.

Находясь съ батареей на высотахъ къ юго-западу отъ Кадыкіоя до часу дня, я имѣлъ возможность наблюдать бой праваго фланга, гдѣ до этого времени трескотня пулеметовъ и орудійный гулъ были наиболѣе интенсивны. Бой за обладаніе горой, на которой расположено село Петра, мы наблюдали не съ фронта, а съ фланга, такъ что въ бинокль были видны и болгары, и турки настолько ясно, насколько это позволяли дистанція въ 10 верстъ и дождливая, туманная погода.

Мы замѣтили, что турки двигались сравнительно рѣдкими цѣпами, а болгары гораздо болѣе густыми и длинными; затѣмъ, что турецкія батареи становятся открыто, что разрывы ихъ снарядовъ высоки. При переходѣ нашей пѣхоты въ наступленіе, разрывы поднимались еще болѣе въ небо или же «клевали» и были безпорядочны. Несмотря на дождь, сильно мѣшавшій артилерійской стрѣльбѣ, и на отчаянный огонь турокъ, наши войска перешли въ наступленіе и овладѣли горой Петра смѣлымъ движеніемъ «на ножъ», котораго непріятель не выдержалъ.

Въ связи съ этимъ боемъ былъ бой сосѣдней связующей арміи генераль-лейтенанта Кутинчева у села Селіоло, разыгравшійся еще наканунѣ—9-го октября, съ непріателемъ, вышедшимъ, въ-

роятно, изъ Адріанополя для дѣйствій на флангъ и сообщенія арміи, наступающей на Адріанополь. Здѣсь, кажется, единственный разъ за всѣ бои подъ Лозеномъ, турки сами вели отчаянную атаку и принимали съ нашей стороны штыковую. Этотъ бой начался съ половины третьяго часа дня 9-го октября, а къ 6 часамъ вечера наши утвердились въ с. Селіоло, гдѣ такъ неожиданно взяли непріятельскіе пулеметы, что въ одномъ изъ нихъ изъ всей ленты были израсходованы лишь 3 патрона.

Этимъ энергичнымъ наступленіемъ на села Селіоло и Петра отвлекалось вниманіе непріятели отъ главнаго пункта атаки, а занятіе этихъ селъ обезпечивало правый флангъ со стороны Адріанополя. При видѣ отступленія турокъ отъ Петры, мы уже боялись, что намъ не придется въ этотъ день принять участія въ бою, но именно въ этотъ моментъ командиръ нашей батареи былъ вызванъ на развѣдку: надо было выбрать удачную позицію для подготовки атаки главнаго фронта противника. Минуть сорокъ спустя, ко мнѣ прибылъ развѣдчикъ съ приказаніемъ вести батарею по указываемой имъ дорогѣ. И вотъ намъ пришлось ѣхать около 2 километровъ по невылазной грязи въ гору. Лошади выбивались изъ силъ; временами прислуга должна была соскакивать съ орудій и помогать имъ. Между тѣмъ пальба вдали все усиливалась; бой кипѣлъ. Вдругъ все стихло и до насъ донеслось далекое «ура»! Это пѣхота атаквала, не дождавшись артилеріи.

Наконецъ, и мы заняли открытую позицію, но оказалось, что непріятель, не выдержавъ движенія нашей пѣхоты «на ножъ», уже покинулъ главныя позиціи и отступилъ къ городу; по нему нами былъ открытъ огонь. Начали съ 4.900 метровъ, т. е. съ прицѣла 49, дошли до 60 и прекратили огонь. Лѣвофланговой 6-й батареей нашего отдѣленія было приказано выдвинуться впередъ и занять только что покинутый турками гребень горы. Съ этой батареей уѣхалъ и командиръ отдѣленія. 4-й и 5-й батареямъ было приказано оставаться на мѣстѣ, но въ виду быстрого отступленія, почти бѣгства непріятели, командиръ нашей батареи исходатайствовалъ у командующаго арміей разрѣшеніе наступать вслѣдъ за 6-й. Объ этомъ было донесено уѣхавшему съ послѣдней командиру отдѣленія. Сначала шла 5-я, наша, а за нею 4-я. Когда мы приближались къ оставленной главной турецкой позиціи (гребень горы), непріятель открылъ адскую канонаду по нашей зарвавшейся къ самому городу пѣхотѣ. Затѣмъ перешелъ въ контръ-атаку.

Еще ни одна наша батарея не успѣла сняться съ передковъ,

такъ что положеніе пѣхоты было очень опасно; она залегла и открыла огонь. Тогда, не дожидаясь особыхъ приказаній, командиръ батареи галопомъ выѣхалъ на развѣдку и, не найдя на гребнѣ командира отдѣленія, самъ выбралъ и указалъ для батареи глубоко закрытую позицію. Я продолжалъ вести батарею, гдѣ можно на рысяхъ. Въ это время нѣсколько всадниковъ нашей артилерійской развѣдки были замѣчены турками и они перенесли огонь своихъ батарей на насъ, стрѣляя по скаламъ, гдѣ были намѣчены наши наблюдательные пункты, а за ними позиціи. Вотъ черезъ наши головы перелетѣла турецкая шрапнель, другая, третья. На первую изъ нихъ я оглянулся, желая увидѣть ее, но она быстро скрылась гдѣ-то позади за камнями. Слѣдующія уже не обращали на себя моего вниманія: ихъ было слишкомъ много и спереди и съ боковъ, но пока ни одна намъ не вредила.

Въ это время мы взбирались къ командиру батареи, дѣлая отчаянныя успія, по колѣно въ грязи. Наконецъ, достигли цѣли, снялись съ передковъ, заняли позицію по знаку командира «стройся», и первые (5-я батарея) открыли огонь. Стрѣляли съ мѣста двумя патронами бѣглымъ огнемъ, чтобы сразу ошеломить противника. Немного спустя, насъ поддержала 4-я батарея, ставшая впереди и вправо отъ насъ. Открыла огонь и 6-я, помѣстившаяся по какому-то недоразумѣнію прямо сзади насъ, въ разстояніи едва ли 100 метровъ и ниже по скату.

Вечерѣло.... Мрачныя тучи нависли надъ скалами. Впереди бѣдѣли и блестѣли разрывы, ревѣли перелетавшія черезъ насъ неприятельскія шрапнели; рядомъ изрыгала огонь 4-я батарея, мгновенно ярко освѣщая причудливыя скалы, а ко всему этому громъ и огонь 6-й батареи за нами. Воздухъ такъ и билъ сзади. Артиллеристу хорошо понятно наше рискованное положеніе: вѣдь одинъ преждевременный разрывъ снаряда 6-й батареи—и мы могли быть выведены изъ строя. Но все обошлось сравнительно благополучно, былъ только легко контуженъ въ щеку командиръ 2-го взвода. Номера продолжали работать отлично, хотя, видимо, безпокоились огнемъ 6-й батареи; мы дали не менѣе 6-ти очередей подъ ея выстрѣлами. Я также, хотя съ очень жуткимъ чувствомъ въ душѣ, старался овладѣть собой и подъ огнемъ перебѣгалъ отъ орудій къ телефону и обратно. На наше счастье, командиръ полка замѣтилъ наше отчаянное положеніе и вывелъ насъ изъ него, приказавъ 6-й батареѣ стать влѣво отъ насъ, гдѣ уже стрѣляла какая-то батарея 1-го полка.

Огонь нашей артилеріи былъ такъ ужасенъ, что послѣ пяти-минутной пальбы турецкія батареи умолкли. Нависшія надъ скалами тучи не выдержали этой адской канонады и рассыпались такимъ ливнемъ, что въ 100 шагахъ ничего нельзя было видѣть. Турки воспользовались этимъ и наступившей темнотой и, какъ оказалось впослѣдствіи, въ безпорядкѣ отступили. Дождь продолжалъ лить, какъ изъ ведра, до самаго утра. Несмотря на беспросвѣтную тьму и ужасную дорогу, крайняя лѣвофланговая обходная колонна къ 9-ти часамъ вечера вышла въ тылъ неприятельской позиціи къ югу отъ деревни Ахмача. Появленіе этой колонны, по рассказамъ опрошенныхъ мною впослѣдствіи грековъ, вселило ужасъ въ турецкія войска и послужило сигналомъ къ ихъ бѣгству.

Таковъ былъ день 10-го октября, насколько можно было видѣть его событія. Что же касается плановъ главнокомандующаго, то о нихъ можно судить лишь по ходу боевъ съ 5-го по 10-е число. Идея главнокомандующаго была, повидимому, слѣдующая: первая центральная армія (дивизіи 1-я, 10-я и 3-я) имѣла задачей врѣзаться между Киркъ-Килиссе и Адрианополемъ, уничтоживъ сообщеніе между ними. Энергичное движеніе этой арміи и привело къ встрѣчному бою у Селиоло.

Вторая, правофланговая, армія, медленно наступая на Адрианополь, должна была обложить его.

Третья, лѣвофланговая, численностью въ 80.000 штыковъ и 200 орудій, имѣла цѣлью овладѣніе крѣпостью Киркъ-Килиссе возможно скорѣе. Бои съ 5-го по 9-е октября убѣдили генерал-лейтенанта Радко Дмитріева въ возможности взять Киркъ-Килиссе ускоренной атакой. Ударъ нашей лѣвофланговой арміи былъ такимъ неожиданнымъ для неприятеля, что у него сложилось убѣжденіе, будто это армія была не болгарская, а исключительно русская, высадившаяся въ Бургасѣ. Это единогласно подтверждаютъ и плѣнные турки и жители Лозенграда. Другимъ подтвержденіемъ неожиданности нашей атаки служатъ покинутые биваки, начиная отъ Кадыкіюа до самаго города; въ нихъ все было не тронуту; видимо, никто не думалъ объ отступленіи, всѣ рассчитывали ночевать.

Теперь вернемся къ переживаніямъ дня 10-го октября и къ его окончанію. Въ этотъ день былъ убитъ въ рядахъ болгарской арміи подпоручикъ запаса Колпазановъ. Замѣчательна его судьба: это интеллигентный, образованный молодой человекъ съ миллионнымъ состояніемъ. Какъ фабрикантъ, ноставлявшій на армію сукно, онъ, какъ и другіе фабриканты, въ видахъ регулярнаго снабженія арміи

материаломъ, имѣлъ право не принимать непосредственнаго участія въ войнѣ. Но онъ благородно отказался отъ этой поблажки и вотъ убитъ пулей турецкаго пѣхотинца изъ засады, сзади. Самъ нашель свою судьбу!

Ночь съ 10-го на 11-е октября провели на позиціяхъ подъ непрерывнымъ ливнемъ. Часовъ въ 7 вечера въ тылу разразилась снова паника, дошедшая своими отголосками и до насъ, но ее быстро удалось локализовать. Около 10 часовъ распрягли, напоили и накормили лошадей. Нижніе чины постарались устроиться у зарядныхъ ящиковъ, стоявшихъ тутъ же въ резервной колоннѣ, накрывъ ихъ взятыми у турокъ палатками. Офицеры нашего отдѣленія собрались на наблюдательный пунктъ командира полка, гдѣ былъ разведенъ огонь, единственный на всей позиціи. Пошли шутки, смѣхъ, анекдоты, вперемежку съ впечатлѣніями минувшаго боя. Командиръ полка, полковникъ Руссчевъ, оказался младшимъ товарищемъ русскаго генерала Леша по 3-му Московскому корпусу. Руссчевъ воспитанникъ генерала Скобелева, который вывезъ его изъ Болгаріи еще мальчикомъ. Помянули подвиги генерала Леша въ послѣднюю Русско-японскую войну. Я дополнилъ ихъ воспоминанія о немъ фактами изъ его частной жизни, извѣстными мнѣ отъ его сыновей, съ которыми я вмѣстѣ учился; рассказывалъ о его пребываніи на маневрахъ въ Красномъ Селѣ. Мирно текли часы нашей бесѣды при неровномъ свѣтѣ то затухавшаго отъ ливня, то вновь вспыхивавшаго костра.

Спать, конечно, не пришлось: вода проникала вездѣ, кругомъ ужасающая грязь и холодные мокрые камни. Мы всѣ промокли. Я былъ въ одной шведской курткѣ и ужасно страдалъ отъ дождя: грудь и спина были еще сравнительно сухи, но все остальное вплоть до кармановъ мокро, хоть выжми!

ч.

(Окончаніе слѣдуетъ).

